

Чехов Антон Павлович

В овраге

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А72

А72 **Антон Павлович Ч.**
В овраге / Чехов Антон Павлович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 52 с.

ISBN 978-5-521-30207-9

ISBN 978-5-521-30207-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ зубы, какъ мужикъ, и все смѣялась, или покрикивала; и, что бы она ни дѣлала, ни говорила, старикъ только умилялся и бормоталъ:

— Ай-да певѣстунка! Ай-да красавица, матушка...

Онъ былъ вдовъ, но черезъ годъ послѣ свадьбы сына не выдержалъ и самъ женился. Ему нашли за тридцать верстъ отъ Уклеева дѣвушку Варвару Николаевну изъ хорошаго семейства, уже пожилую, но красивую, видную. Едва она поселилась въ комнаткѣ, въ верхнемъ этажѣ, какъ все просвѣтлѣло въ домѣ, точно во все окна были вставлены новыя стекла. Засвѣтились лампадки, столы покрылись бѣлыми, какъ снѣгъ, скатертями, на окнахъ и въ нарисованнѣхъ показались цвѣты съ красными глазами, и ужъ за обѣдомъ ѣли не изъ одной миски, а передъ каждымъ ставилась тарелка. Варвара Николаевна улыбалась пріятно и ласково, и казалось, что въ домѣ все улыбается. И во дворъ, чего раньше никогда не было, стали заходить нищіе, странники, богомолки; слышались подъ окнами жалобныя, пѣвучіе голоса уклеевскихъ бабъ и виноватый капелъ слабыхъ, испитыхъ мужиковъ, уволенныхъ съ фабрики за пьянство. Варвара помогала деньгами, хлѣбомъ, старой одеждой, а потомъ, обжившись, стала потаскивать и изъ лавки. Разъ глухой видѣлъ, какъ она унесла двѣ осьмушки чаю, и это его смутило.

— Тутъ мамаша взяли двѣ осьмушки чаю, — сообщилъ онъ потомъ отцу. — Куда это записать?

Старикъ ничего не отвѣтилъ, а постоялъ, подумалъ, шевеля бровями, и пошелъ наверхъ къ женѣ.

— Варварушка, ежели тебѣ, матушка, — сказалъ онъ ласково: — понадобится что-въ лавкѣ, то ты бери. Бери себѣ на здоровье, не сомнѣвайся.

И на другой день глухой, пробѣгая черезъ дворъ, крикнулъ ей:

— Вы, мамаша, ежели что нужно, — берите!

Въ томъ, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадахъ

и красныхъ цвѣточкахъ. Когда въ заговѣще или въ престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солоницу съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солоины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные, туманные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ.

Дни въ домѣ Цыбукина проходили въ заботахъ. Еще солнце не выходило, а Аксинья уже фыркала, умываясь въ сѣняхъ, самоваръ кипѣлъ въ кухнѣ и гудѣлъ, предсказывая что-то недоброе. Старикъ Григорій Петровъ, одѣтый въ длинный, черный сюртукъ и ситцевыя брюки, въ высокихъ, яркихъ сапогахъ, такой чистенькій, маленькій, похаживалъ по комнатамъ и постукивалъ каблучками, какъ свекоръ-батюшка въ извѣстной пѣснѣ. Отпирали лавку. Когда становилось свѣтло, подавали къ крыльцу бѣговѣя дрожки и старикъ молодцовато садился на нихъ, надвигая свой большой картузь до ушей, и, глядя на него, никто не сказалъ бы, что ему уже 56 лѣтъ. Его провожали жена и невѣстка, и въ это время, когда на немъ былъ хорошій, чистый сюртукъ и въ дрожки былъ запряженъ громадный вороной жеребецъ, стоившій триста рублей, старикъ не любилъ, чтобы къ нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами; онъ ненавидѣлъ мужиковъ и брезговалъ ими, и если видѣлъ, что какой-нибудь мужикъ дожидается у воротъ, то кричалъ гдѣвно:

— Что сталъ тамъ? Проходи дальше!

Или кричалъ, если то былъ нищій:

— Богъ дасть!

Онъ уѣзжалъ по дѣламъ; жена его, одѣтая въ темное, въ черномъ фартукѣ, убирала комнаты или помогала въ кухнѣ. Аксиныя торговала въ лавкѣ, и слышно было во дворѣ, какъ звенѣли бутылки и деньги, какъ она смѣялась или кричала, и какъ сердились покупатели, которыхъ она обижала; и въ то же время было замѣтно, что тамъ въ лавкѣ тайная торговля водкой уже идетъ. Глухой тоже сидѣлъ въ лавкѣ, или безъ шапки, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по улицѣ и разсѣяннo поглядывалъ то на избы, то вверхъ на небо. Разъ шесть въ день въ домѣ пили чай; раза четыре садились за столъ ѣсть. А вечеромъ считали выручку и записывали, потомъ спали крѣпко.

Въ Уклеевѣ всѣ три ситцевыя фабрики и квартиры фабрикантовъ Хрыминыхъ Старшихъ, Хрыминыхъ Младшихъ и Костюкова были соединены телефономъ. Провели телефонъ и въ волостное правленіе, но тамъ онъ скоро пересталъ дѣйствовать, такъ какъ въ немъ завелись клопы и прусаки. Волостной старшина былъ малограмотенъ и въ бумагахъ каждое слово писалъ съ большой буквы, но когда испортился телефонъ, то онъ сказалъ:

— Да, теперь намъ безъ телефона будетъ трудноовато.

Хрымины Старшіе постоянно судились съ Младшими, иногда и Младшіе ссорились между собою и начинали судитъся, и тогда ихъ фабрика не работала мѣсяцъ, два, пока они опять не мирились, и это развлекало жителей Уклеева, такъ какъ по поводу каждой ссоры было много разговоровъ и сплетенъ. Въ праздники Костюковъ и Хрымины Младшіе устраивали катанье, носились по Уклееву и давили телятъ. Аксиныя, шурша накрахмаленными юбками, разодѣтая, прогуливалась на улицѣ, около своей лавки; Младшіе подхватывали ее и увозили какъ будто насильно. Тогда выѣзжалъ и старикъ Цыбукинъ, чтобы показать свою новую лошадь, и брать съ собой Варвару.

Вечеромъ, послѣ катанья, когда ложился спать, во дворѣ у Младшихъ играли на дорогой гармоникѣ и, если была луна, то отъ звуковъ этихъ становилось на душѣ тревожно и радостно, и Уклеево уже не казалось ямой.

II.

Старшій сынъ Анисимъ прѣзжалъ домой очень рѣдко, только въ большіе праздники, но зато часто присылалъ съ земляками гостинцы и письма, написанныя чьимъ-то чужимъ почеркомъ, очень красивымъ, всякій разъ на листѣ писчей бумаги въ видѣ прошенія. Письма были полны выраженій, какихъ Анисимъ никогда не употреблялъ въ разговорѣ: „Любезные папаша и мамаша, посылаю вамъ фунтъ цвѣточнаго чаю для удовлетворенія вашей физической потребности“.

Внизу каждого письма было нацарапано, точно испорченнымъ перомъ: „Анисимъ Цыбукинъ“, и подъ этимъ опять тѣмъ же превосходнымъ почеркомъ: „Агентъ“.

Письма читались вслухъ по нѣскольку разъ, и старикъ растроганный, красный отъ волненія, говорилъ:

— Вотъ, не захотѣлъ дома жить, пошелъ по ученой части. Что жъ, пускай! Кто къ чему приставленъ.

Какъ-то передъ масленицей пошелъ сильный дождь съ крупой; старикъ и Варвара подошли къ окну, чтобы посмотреть, а глядь — Анисимъ ѣдетъ въ сапыхъ со стацин. Его советѣмъ не ждали. Онъ вошелъ въ комнату безпокойный и чѣмъ-то встревоженный, и такимъ оставался потомъ все время; и держалъ себя какъ-то развязно. Не смѣли уѣзжать и похоже было, какъ будто его уволили со службы. Варвара была рада его прѣзду; она поглядывала на него какъ-то лукаво, вздыхала и покачивала головой.

— Какъ же это такое, батюшки? — говорила она. — Этихъ тѣхъ, парню уже двадцать восьмой годочекъ пошелъ, а онъ все холостой разгуливаетъ, охъ-техъ-те...

Изъ другой комнаты ея тихая, ровная рѣчь слышалась такъ: „Охъ-техъ-те“. Она стала шептаться со старикомъ и съ Асеніей, и ихъ лица тоже приняли лукавое и таинственное выраженіе, какъ у заговорщиковъ.

Рѣшили женить Анисима.

— Охъ-техъ-те!.. Младшаго брата давно женили, — говорила Варвара: — а ты все безъ пары, словно пѣтухъ на базарѣ. По-каковски это? Этихъ тѣхъ, женишься, Богъ дастъ, тамъ какъ хочешь, поѣдешь на службу, а жена останется дома помощницей-те. Безъ порядку-те живешь, парень, и все порядки, вижу, забылъ. Охъ-техъ-те, грѣхъ одинъ съ вами городскими.

Когда Цыбукины женились, то для нихъ, какъ для богатыхъ, выбирали самыхъ красивыхъ невѣстъ. И для Анисима отыскали тоже красивую. Самъ онъ имѣлъ интересную, незамѣтную наружность; при слабомъ, нездоровомъ сложеніи и при небольшомъ ростѣ у него были полныя, пухлыя щеки, точно онъ надувалъ ихъ; глаза не мигали и взглядъ былъ острый, борода рыжая, жидкая и, задумавшись, онъ все совалъ ее въ ротъ и кусалъ; и къ тому же онъ часто выпивалъ, и это было замѣтно по его лицу и походкѣ. Но когда ему сообщили, что для него уже есть невѣста, очень красивая, то онъ сказалъ:

— Ну, да вѣдь и я тоже не кривой. Наше семейство Цыбукины, надо сказать, все красивые.

Подъ самымъ городомъ было село Торгуево. Одна половина его была недавно присоединена къ городу, другая оставалась селомъ. Въ первой, въ своемъ домикѣ, проживала одна вдова; у нея была сестра, совсѣмъ бѣдная, ходившая на поденную работу, а у этой сестры была дочь Липа, дѣвушка, ходившая тоже на поденку. О красотѣ Липы уже говорили въ Торгуевѣ, и только смущала всехъ ея ужасная бѣдность; разсуждали такъ, что какой-нибудь пожилой или вдовецъ женится, не глядя на бѣдность, или возьметъ ее къ себѣ „такъ“, а при ней и мать сыта бу-

дети. Варвара узнала о Липѣ отъ свахъ и съѣздила въ Торгуево.

Потомъ въ домѣ теткн были устроены смотрины, какъ слѣдуетъ, съ закуской и виномъ, и Липа была въ новомъ, розовомъ платьѣ, сшитомъ нарочно для смотрицъ, и пунцовая ленточка, точно пламень, свѣтилась въ ея волосахъ. Она была худенькая, слабая, блѣдная, съ тонкими, ищущими чертами, смуглая отъ работы на воздухѣ; грустная, робкая улыбка не сходила у нея съ лица, и глаза смотрѣли подѣтски — довѣрчиво и съ любопытствомъ.

Она была молода, еще дѣвочка, съ едва замѣтной грудью, но вѣщать было уже можно, такъ какъ года вышли. Въ самомъ дѣлѣ она была красива, и одно только могло въ ней не нравиться, это — ея большія мужскія руки, которыя теперь прѣздно висѣли, какъ двѣ большія клешни.

— Нѣтъ приданаго — и мы безъ вниманія, — говорилъ старикъ теткѣ; — для сына нашего Степана мы взяли тоже изъ бѣднаго семейства, а теперь не нахвалимся. Что въ домѣ, что въ дѣлѣ — золотыя руки.

Липа стояла у двери и какъ будто хотѣла сказать: „дѣлайте со мной, что хотите: я вамъ вѣрю“, а ея мать Прасковья, поденщица, пряталась въ кухнѣ и замирала отъ робости. Когда-то еще въ молодости одинъ купецъ, у котораго она мыла полы, разсердившись, затопалъ на нее ногами, она сильно испугалась, обомлѣла, и на всю жизнь у нея въ душѣ остался страхъ. А отъ страха всегда дрожали руки и ноги, дрожали щеки. Сиди въ кухнѣ, она старалась подслушать, о чемъ говорятъ гости, и все крестилась, прижимая пальцы ко лбу и поглядывая на образъ. Анисимъ, слегка пьяный, отворялъ дверь въ кухню и говорилъ развязно:

— Что же это вы тутъ сидите, мамаша драгоценная? Намъ безъ васъ скучно.

А Прасковья, оробѣвъ, прижимая руки къ своей тощей, нехудалой груди, отвѣчала:

— Что вы, помилуйте-съ... Много вамъ довольны-съ.

Послѣ смотринѣ назначили день свадьбы. Потомъ у себя дома Анисимъ все ходилъ по комнатамъ и посвистывалъ или же, вдругъ вспомнивъ о чемъ-то, задумывался и глядѣлъ въ полъ неподвижно, пронзительно, точно взглядомъ хотѣлъ проникнуть глубоко въ землю. Онъ не выражалъ ни удовольствія отъ того, что женится, женится скоро, на Красной Горкѣ, ни желанія повидаться съ невѣстой, а только посвистывалъ. И было очевидно, что женится онъ только потому, что этого хотятъ отецъ и мачеха, и потому, что въ деревнѣ такой ужъ обычай: сытъ женится, чтобы дома была помощница. Уѣзжая, онъ не торопился и держалъ себя вообще не такъ, какъ въ прошлые свои прѣзды,—былъ какъ-то особенно развязенъ и говорилъ не то, что нужно.

III.

Въ деревнѣ Шкаловой жили портнихи, двѣ сестры-хлыстовки. Имъ были заказаны къ свадьбѣ обновы, и онѣ часто приходили примѣривать и подолгу пили чай. Варварѣ сшили коричневое платьѣ съ черными кружевами и со стеклярусомъ, а Аксиньѣ — свѣтло-зеленое, съ желтой грудью и со шлейфомъ. Когда портнихи кончили, то Цыбукинъ заплатилъ имъ не деньгами, а товаромъ изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него грустныя, держа въ рукахъ узелки со стеариновыми свѣчами и сардинами, которые были имъ совсѣмъ не пужны, и, выйдя изъ села въ поле, сѣли на бугорокъ и стали плакать.

Анисимъ прѣхалъ за три дня до свадьбы, во всемъ новомъ. На немъ были блестящія резиновые калоши и вмѣсто галстука красный шнурокъ съ шариками, и на плечахъ висѣло пальто, не надѣтое въ рукава, тоже новое.

Степенно помолившись Богу, онъ поздоровался съ отцомъ и далъ ему десять серебряныхъ рублей и десять полтинниковъ; и Варварѣ далъ столько же, Аксиньѣ — двадцать четвертаковъ. Главная прелесть этого подарка была именно въ томъ, что всѣ монеты, какъ на подборъ,

были новенькія и сверкали на солнцѣ. Старался казаться степеннымъ и серьезнымъ, Анисимъ напрягалъ лицо и надувалъ щеки, и отъ него пахло виномъ; вѣроятно, на каждой станціи выбѣгалъ къ буфету. И опять была какая-то развязность, что-то лишнее въ человѣкѣ. Потомъ Анисимъ и старикъ пили чай и закусывали, а Варвара перебирала въ рукахъ новенькіе рубли и спрашивала про земляковъ, жившихъ въ городѣ.

— Ничего, благодарить Бога, живутъ хорошо, — говорилъ Анисимъ. — Только вотъ у Ивана Егорова происшествіе въ семейной жизни: померла его старуха Софья Никифоровна. Отъ чахотки. Поминальный обѣдъ за упокой души заказывали у кондитера, по два съ полтиной съ персоны. И виноградное вино было. Которые мужики, наши земляки — и за нихъ тоже по два съ полтиной. Ничего не ѣли. Нешто мужикъ понимаетъ соусъ!

— Два съ полтиной! — сказалъ старикъ и покачалъ головой.

— А что же? Тамъ не деревня. Зайдешь въ ресторанъ подзакусить, спросишь того-другого, компанія соберется, выпьешь—анъ глядишь, уже разсвѣтъ, и пожалуйста по три или по четыре рубля съ cadaго. А когда съ Самородовымъ, такъ тотъ любитъ, чтобъ послѣ всего кофій съ коньякомъ, а коньякъ по шести гривенъ рюмочка-съ.

— И все вретъ, — проговорилъ старикъ въ восхищеніи. — И все вретъ!

— Я теперь всегда съ Самородовымъ. Это тотъ самый Самородовъ, что вамъ мои письма пишетъ. Великолѣпно пишетъ. И если бъ разсказать, мамаша, — весело продолжалъ Анисимъ, обращаясь къ Варварѣ: — какой человѣкъ есть этотъ самый Самородовъ, то вы не повѣрите. Мы его всѣ Мухтаромъ зовемъ, такъ какъ онъ въ родѣ армяшки — весь черный. Я его насквозь вижу, всѣ дѣла его знаю вотъ какъ свои пять пальцевъ, мамаша, и онъ это чувствуетъ и все за мной ходитъ, не отстаетъ, и насъ теперь водой не разольешь. Ему какъ будто жутковато,

но и безъ меня жить не можетъ. Куда я, туда и онъ. У меня, мамаша, вѣрный, правильный глазъ. Глядишь на толкучкѣ: мужикъ рубаху продаетъ. — Стой, рубаха краденая! — И вѣрно, такъ и выходитъ: рубаха краденая.

— Откуда же ты знаешь? — спросила Варвара.

— Ни откуда, глазъ у меня такой. Я не знаю, какая тамъ рубаха, а только почему-то такъ меня и тянетъ къ ней: краденая и все тутъ. У насъ въ сыскомъ такъ ужъ и говорятъ: „Ну, Анисимъ пошелъ вальдшнеповъ стрѣлять!“ Это значитъ — искать краденое. Да... Украсть всякій можетъ, да вотъ какъ сберечь! Велика земля, а спрятать краденое негдѣ.

— А въ нашемъ селѣ у Гунторевыхъ на прошлой недѣлѣ угнали барана и двухъ ярокъ, — сказала Варвара и вздохнула. — И поискать некому... Охъ-техъ-те...

— Что жъ? Поискать можно. Это ничего, можно.

Подожелъ день свадьбы. Это былъ прохладный, но ясный, веселый апрѣльскій день. Уже съ раннего утра по Уклееву развѣзжали, звеня колоколами, тройки и пары съ разноцвѣтными лентами на дугахъ и въ гривахъ. Въ вербахъ шумѣли грачи, потревоженные этой фздой, и, надсаживаясь, неумолкая, пѣли скворцы, какъ будто радуясь, что у Цыбукиныхъ свадьба.

Въ домѣ на столахъ уже были длинныя рыбы, окорока и птицы съ начинкой, коробки со шпротами, разные соленья и маринады, и множество бутылокъ съ водкой и винами, пахло копченой колбасой и прокисшими омарами. И около столовъ, постукивая каблѹчками и точа ножъ о ножъ, ходилъ старикъ. Варвару то и дѣло окликали, чего-нибудь требовали, и она съ растеряннымъ видомъ, тяжело дыша, бѣгала въ кухню, гдѣ съ разсвѣта работалъ поваръ отъ Костюкова и бѣлая кухарка отъ Хрыминыхъ Младшихъ. Аксиныя, завитая, безъ платья, въ корсетѣ, въ новыхъ скрипучихъ ботинкахъ, носилась по двору какъ вихрь, и только мелькали ея голыя колѣни и грудь. Было шумно, слышалась брань, божба; прохожіе останавливались у на-

стежь открытыхъ воротъ, и чувствовалось во всемъ, что готовится что-то необыкновенное.

— За невѣстой поѣхали! •

Звонки заливались и замирали далеко за деревней... Въ третьемъ часу побѣжалъ народъ: опять слышались звонки, везутъ невѣсту! Церковь была полна, горѣло паникадило, пѣвчіе, какъ пожелалъ того старикъ Цыбукинъ, шѣли по потамъ. Блескъ огней и яркія платья ослѣпили Липу, ей казалось, что пѣвчіе своими громкими голосами стучатъ по ея головѣ, какъ молотками; корсетъ, который она надѣла первый разъ въ жизни, и ботинки давили ее, и выраженіе у нея было такое, какъ будто она только-что очнулась отъ обморока, — глядѣть и не понимаетъ. Анисимъ, въ черномъ сюртукѣ, съ краснымъ шнуркомъ вмѣсто галстука, задумался, глядя въ одну точку, и когда пѣвчіе громко вскрикивали, быстро крестился. На душѣ у него было умиленіе, хотѣлось плакать. Эта церковь была знакома ему съ ранняго дѣтства; когда-то покойная мать приносила его сюда пріобщать, когда-то онъ шѣлъ на клиросѣ съ мальчиками; ему такъ памятенъ каждый уголокъ, каждая икона. Его вотъ вѣнчаютъ, его нужно женить для порядка, но онъ ужъ не думалъ объ этомъ, какъ-то не помнилъ, забылъ совсѣмъ о свадьбѣ. Слезы мѣшали глядѣть на иконы, давило подъ сердцемъ; онъ молился и просилъ у Бога, чтобы несчастья, неминуемая, которыя готовы уже разразиться надъ нимъ не сегодня — завтра, обошли бы его какъ-нибудь, какъ грозовыя тучи въ засуху обходятъ деревню, не давъ ни одной капли дождя. И столько грѣховъ уже наворочено въ прошломъ, столько грѣховъ, такъ все невылазно, непоправимо, что какъ-то даже несообразно просить о прощеніи. Но онъ просилъ и о прощеніи и даже всхлипнулъ громко, но никто не обратилъ на это вниманія, такъ какъ подумали, что онъ выливши.

Послышался тревожный дѣтскій плачъ:

— Милая мамка, унеси меня отсюда, касатка!